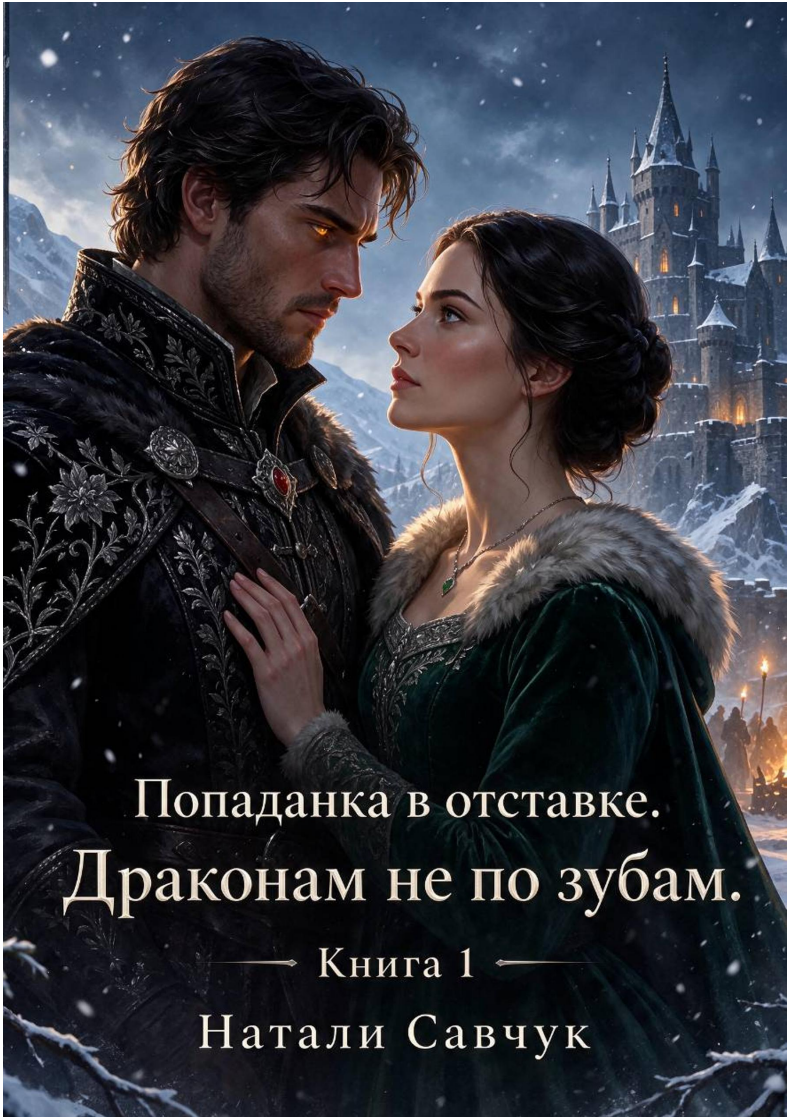

Попаданка в отставке.
Драконам не по зубам.
Книга 1
Натали Савчук

Натали Савчук

Попаданка в отставке. Драконам не по зубам

https://litres.ru/74825049
SelfPub; 2026

Аннотация

В сорок шесть лет меня тихо списали на пенсию из Следственного комитета, а в придачу я умудрилась провалиться в пространственный разлом и рухнуть прямо в сугроб во дворе северного замка.

Его хозяин — опальный граф-дракон Кайден Кард — встретил меня ледяным презрением. Для него я всего лишь бесправная попаданка, недостойная даже взгляда, а его язвительное «леди» звучит как оскорбление. Вот только гражданин дракон не учел одного: бывших следователей не бывает.

Пока он пытается в одиночку распутать заговор, погубивший его отца, я берусь за дело. Местные целебные травы возвращают мне молодость и силы, а пятнадцать лет опыта помогают вывести на чистую воду предателей. И теперь надменный дракон смотрит на меня совсем иначе Вот только выдержит ли его сердце, когда в дело вступят столичные убийцы и настоящие чувства?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Глава 3 25
Глава 34
Глава 4 35
Глава 5 46
Глава 6 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Натали Савчук
Попаданка в отставке. Драконам не по зубам

Глава 1

Глава 1. Показания под прикрытием

В парк я пошла, чтобы проветрить голову. После пятнадцати лет в Следственном комитете привычка наматывать круги перед сном спасала лучше любого снотворного. В тот вечер в кармане пальто лежала копия приказа о моей отставке по выслуге лет. Меня аккуратно, по-тихому «ушли», расчистив кресло для племянника нового замначальника. В сорок шесть лет я оказалась на обочине — без мужа, без детей, с хроническим недосыпом и ощущением, что меня просто списали в архив.

Наверное, поэтому, увидев в глубине старой липовой аллеи странное голубоватое свечение, я не развернулась и не пошла домой, как сделал бы любой нормальный человек. Во мне сработал рефлекс оперативника: проверить периметр.

Я свернула с дорожки, сделала три шага по жухлой траве — и земля под ногами просто исчезла. Никакого края ямы, никакого предупреждения. Я летела в ледяную пустоту,

успев только зажмуриться, а в следующую секунду с глухим стуком рухнула во что-то мягкое и обжигающе холодное.

Сугроб. Глубокий, колючий, по самый воротник.

Я попыталась вдохнуть, но легкие обожгло морозным воздухом, а над головой вместо желтых парковых фонарей нависли мрачные зубчатые башни из черного камня. Последнее, что я услышала, прежде чем сознание погасло, — скрип тяжелых ворот, чьи-то испуганные крики на незнакомом языке, который почему-то сразу становился понятным, и возглас: «Да она же прямо с неба свалилась!»

В себя я приходила медленно и молча.

Профессиональная привычка: если очнулся в неизвестном месте — не открывай глаза и не задавай глупых вопросов. Сначала оцени обстановку на слух.

Пахло сухими травами, воском и дымом от камина. Под спиной — мягкая перина, сверху — тяжелое шерстяное одеяло. Рядом тихо потрескивали поленья, а у изголовья кто-то осторожно шуршал тканью и тихо вздыхал.

Я приоткрыла один глаз, затем второй.

Возле кровати стояла молоденькая служанка — лет восемнадцати, в простом сером платье и белом переднике. Она как раз меняла влажную повязку на моем лбу, а когда увидела, что я смотрю на нее, едва не выронила миску.

— Ой! Очнулась! Слава светлым богам, очнулась! — затараторила девчонка, прижимая руки к груди. — А я уж ду-

мала, до утра не проснетесь! Как же вы так, госпожа? Прямо с неба в наш сугроб упали, стража чуть алебарды не побросала!

— Где… я? — спросила я сипло, прочищая горло.

— В замке Кальдгорн, на самом севере империи, — охотно выпалила служанка, поправляя мне подушку. — Это родовые земли его светлости графа Кайдена Карда. Он как раз возвращался с объезда границы, когда вас во дворе нашли. Велел в гостевое крыло отнести и лекаря позвать, хоть и хмурился страшно. Сейчас здесь неспокойно, время тревожное, вот хозяин и не рад чужакам… Ой, побегу за отваром, вам согреться надо!

Пока девчонка говорила, мой мозг работал на максимальных оборотах. Империя. Граф. Магия, судя по «лекарю» и моему падению через светящуюся дыру. Другой мир.

За три секунды я приняла твердое решение: **молчать**. Рассказывать правду про Следственный комитет и ноябрьский парк — прямой путь в местный аналог психушки. Сочинять легенду — провал на первом же перекрестном допросе, потому что я не знаю ни местных законов, ни географии. Остается один проверенный оперативный прием: глухая амнезия. Потеря памяти даст мне время осмотреться и собрать информацию.

И тут тяжелая дубовая дверь распахнулась. Без стука. Без предупреждения.

Служанка тут же втянула голову в плечи, присела в испу-

ганном реверансе и боком выскользнула за порог, едва не столкнувшись с вошедшим мужчиной.

А я замерла, чувствуя, как внутри поднимается глухое раздражение. Вваливаться без стука в комнату к женщине — это уже за гранью, но то, как он вошел и как посмотрел на меня, резануло еще сильнее.

Высокий, широкоплечий, в черном камзоле с серебряным шитьем. Лицо — словно высеченное из бледного мрамора, острые скулы и абсолютно нечеловеческие глаза с вертикальными янтарными зрачками. Северный дракон. И законченный сноб.

Он остановился у изножья кровати и скользнул по мне таким холодным, брезгливым взглядом сверху вниз, словно я была грязной тряпкой, которую по недоразумению занесли в парадную залу.

— Значит, жива, — произнес он низким, ледяным голосом. Даже не спросил о самочувствии — просто бросил констатацию факта. — И кто же вы такая, *леди*?

Это слово — *«леди»*— он не просто произнес, а буквально выплюнул, скривив губы так, словно во рту у него оказалось что-то гнусное и прогорклое.

Меня аж передернуло. Внутри мгновенно вскипела привычная злость. За пятнадцать лет службы в Следственном комитете со мной *никто*и *никогда*не смел разговаривать таким тоном — ни криминальные авторитеты на допросах, ни столичные проверяющие. Его барская, снисходительная ма-

нера речи «свысока» корежила так, что пальцы сами сжались в кулаки под одеялом.

Очень хотелось сесть, прищуриться и ледяным голосом предложить гражданину графу сбавить тон и представиться по форме.

Но я сделала глубокий вдох. Сейчас я не старший следователь по особо важным делам. Я бесправная женщина в чужом замке, и моя главная задача — не дать ему повода выбросить меня на мороз.

Я медленно провела ладонью по лбу, изображая тупую боль и растерянность, и подняла на него максимально растерянный взгляд.

— Я… не знаю, — тихо ответила я, стараясь, чтобы голос звучал слабо. — Помню только холод. И снег. И имя — Вероника. Больше ничего. Ни откуда я, ни как здесь оказалась.

Янтарные глаза графа хищно сузились. Он не поверил ни единому слову. Я буквально видела, как за его холодным фасадом работает острый, подозрительный ум: *«Врет. Слишком вовремя потеряла память. Подослана».*

Он сделал шаг ближе, обдав меня морозным воздухом и запахом грозы, и снова посмотрел на меня — оценивающе, задержавшись на синяках под глазами и усталом лице сорокашестилетней женщины. В его взгляде отчетливо читалось: *«И правда, какая из нее шпионка или соблазнительница? Ни красоты, ни магии, ни породы. Но проверить надо».*

— Какая удобная забывчивость, *леди*, — снова выплюнул

он это слово с той же ядовитой брезгливостью, от которой у меня свело скулы. — Останетесь в гостевом крыле, пока память не вернется. Выходить за пределы внутреннего двора запрещено. Управляющий распорядится насчет одежды и еды. И запомните: в Кальдгорне я лично разбираюсь с теми, кто пытается меня обмануть.

Он резко развернулся и вышел, снова не удосужившись прикрыть дверь тихо.

Я выждала ровно десять секунд, прислушиваясь к удаляющимся шагам, а затем медленно откинулась на подушки и сжала зубы.

«Леди», значит? Ну-ну, гражданин граф. Вы решили придержать «шпионку» под присмотром, чтобы вывести на чистую воду, и разговаривать со мной как с прислугой. Ничего, я человек терпеливый. Посмотрим, как вы запоете, когда я начну задавать вопросы в этом вашем уютном серпентарии.

граф Кайден

Глава 2

Глава 2. Кайден. Незваная гостья

День не задался с самого утра. Впрочем, в Кальдгорне других дней не бывало вот уже три года — с тех пор, как моего отца, одного из самых преданных военачальников империи, оболгали при дворе, лишив род Кардов почти всех земель и чести. Отец не пережил этого позора. Его сердце остановилось через полгода после ссылки, оставив мне полуразрушенный северный замок, горстку верных слуг и клеймо сына изменника.

Я стоял у узкого стрельчатого окна своего кабинета, глядя на заснеженный внутренний двор, и машинально растирал левое плечо. К непогоде старая рана, полученная еще в приграничной кампании, начинала ныть тупой, выматывающей болью. Именно из-за нее мне пришлось оставить строевую службу и осесть преподавателем тактики в столичной Военной академии. Хоть какая-то возможность оставаться в строю и приносить пользу, пока я по крупицам собираю доказательства Глава 2. Кайден. Незваная гостья

День не задался с самого утра, окутав замок тяжелой, свинцовой пеленой тумана и пронизывающим до костей северным ветром. Впрочем, в Кальдгорне других дней не бывало вот уже три года — с тех пор, как моего отца, одного из самых преданных военачальников империи, оболгали при

дворе, лишив род Кардов почти всех земель и чести. Отец не пережил этого позора. Его сердце остановилось через полгода после ссылки, оставив мне полуразрушенный северный замок, горстку верных слуг, промерзшие до камня стены и горькое клеймо сына изменника, давящее на плечи пуще любого панциря.

Я стоял у узкого стрельчатого окна своего кабинета, вглядываясь в серо-белую муть заснеженного внутреннего двора, где завывала метель, и машинально растирал левое плечо. К непогоде старая рана, полученная еще в приграничной кампании, начинала ныть тупой, изматывающей болью, от которой сводило мышцы. Именно из-за нее, ставшей горьким напоминанием о былой службе, мне пришлось оставить строевую академию и осесть преподавателем тактики. Хоть какая-то призрачная возможность оставаться в строю и приносить пользу, пока я по крупицам, сквозь глухую стену отчаяния, собираю доказательства невиновности отца.

Но неделю назад пришло тревожное письмо от управляющего, заставившее бросить все и срочно вернуться в этот каменный мешок. В округе начали происходить странные вещи: пропадали обозы, кто-то слишком настойчиво вынюхивал про старые архивы отца, а мои попытки добиться пересмотра дела в столице натыкались на ледяную, невидимую стену равнодушия.

На столе передо мной лежали развернутые свитки с именами придворных, которым была выгодна опала нашего ро-

да. Бумага казалась холодной, как лед.

— Кто же из вас так боится, что я докопаюсь до правды? — тихо произнес я в пустоту кабинета, наполненную запахом старого пергамента и сырости, сжимая пальцы на краю дубовой столешницы так, что побелели костяшки. — Кто дергает за ниточки даже здесь, на краю света?

Ответ не требовался. Враг был рядом, осторожный и умный. И меньше всего мне сейчас нужны были лишние проблемы. Раздражение жгло изнутри раскаленным углем.

Именно в эту секунду в тяжелую дубовую дверь кабинета требовательно, резко постучали.

— Войдите, — бросил я, не оборачиваясь, чувствуя, как напрягаются плечи.

На пороге возник начальник замковой стражи — запыхавшийся, с шапкой снега на плечах, от дыхания поднимался густой пар, а в глазах читалось совершенно ошалелое, суеверное выражение лица.

— Ваша светлость, простите за беспокойство, но… у нас происшествие. Во внутреннем дворе.

Я медленно повернулся, чувствуя, как внутри привычно закипает ярость, смешанная с усталостью. Только налета наемников мне сегодня не хватало для полного счастья.

— Нападение? Лазутчики?

— Никак нет, ваша светлость, — стражник замялся, нервно теребя ремень меча, явно не зная, как сформулировать доклад, чтобы не прослыть умалишенным. — Там… женщи-

на. Она упала прямо с неба. В сугроб у западной стены.

Я замер. Холодный воздух словно застрял в легких. Посмотрел на него тяжелым, немигающим взглядом, от которого даже бывалые курсанты в академии обычно теряли дар речи, а по спине пробежал неприятный мороз.

— Повтори. И на этот раз — без трактирных баек.

— Клянусь честью, господин граф! — вытянулся стражник, дрожа от холода и пережитого шока. — Над двором на миг вспыхнуло голубое марево, как при разрыве пространственного контура, и оттуда вывалилась какая-то леди. Без сознания. В странном, нездешнем платье. Магического фона от нее нет совсем, но…

Я не стал дослушивать. Злость выплеснулась наружу горячей волной. Быстрым, пружинистым шагом я спустился во двор, на ходу застегивая камзол, в лицо ударил колючий снег.

Она уже приходила в себя на руках у слуг. Невысокая, в нелепой вязаной одежде, выделявшейся своей чужеродностью на фоне суровых каменных стен замка, с бледным, изможденным лицом и темными кругами под глазами. Ни породы, ни следа магической силы — обычная пустышка. Вот только случайностей на северной границе не бывает. Пространственный пробой прямо над моим двором, именно в ту неделю, когда я вернулся в Кальдгорн ворошить прошлое отца? В такие совпадения я перестал верить еще в первом боевом походе, когда потерял лучших товарищей.

— В гостевое крыло ее, — приказал я, подавляя желание немедленно выставить незваную гостью за ворота. Губы сами собой сжались в тонкую линию. Выбросить ее в буран — значит убить, а пачкать руки о безоружную женщину ниже моего достоинства, это противоречило моим понятиям о чести. К тому же мертвая она ничего не расскажет. — Позовите лекаря. И пусть служанка не спускает с нее глаз. Как очнется — доложить мне лично.

Через час я уже стоял у двери гостевой комнаты. Раздражение никуда не делось — напротив, лишь усилилось, затаившись в груди тугой пружиной. Я терпеть не мог незваных гостей, нарушающих хрупкое подобие порядка в моем увядающем доме, и тем более — шпионок, которых подсылают под видом беспомощных жертв.

Я толкнул тяжелую дверь без стука. Не видел смысла соблюдать светские церемонии перед той, кто незаконно проник на мою территорию.

Перепуганная горничная тут же выскользнула за порог, испуганно прижавшись к стене, а я перевел взгляд на кровать — и на миг нахмурился, чувствуя глухое раздражение.

Я ожидал увидеть слезы, истерику или заученную жалостливую сказку, с которой обычно приходят подосланные девицы, рассчитывая на жалость. Но эта женщина смотрела на меня… странно. Ни страха, ни подобострастия, лишь тяжелая, глухая усталость. В ее серых глазах мелькнул холодный,

цепкий взгляд — так смотрят опытные дознаватели или старые вояки, оценивающие противника перед схваткой на грани жизни и смерти.

— Значит, жива, — бросил я сухо, намеренно глядя на нее сверху вниз, испытывая смешанное чувство брезгливости и настороженности. — И кто же вы такая, *леди*?

Я выплюнул это слово с откровенной, ядовитой издевкой. Пришлось приложить усилие, чтобы не скривиться еще сильнее: какая из нее леди? Измотанная жизнью, простоволосая, в грубом свитере, пахнущем чужим миром. Но если она чья-то марионетка, пусть с первой секунды знает свое место в моем доме, пусть чувствует давление чужой воли.

И тут я заметил, как по ее бледному лицу пробежала едва уловимая судорога, а пальцы под потертым одеялом сжались в кулаки. Задело. Гордость у «пустышки» явно имелась, причем немалая, и это заставляло насторожиться еще сильнее.

Но вместо вспышки гнева, которую я подсознательно ждал, она вдруг прикрыла глаза, тяжело вздохнув, провела ладонью по лбу и выдала классическую, до оскорбительного примитивную легенду об амнезии.

«Помню только холод. И имя — Вероника».

Я едва не усмехнулся, чувствуя, как внутри закипает ледяной цинизм. Какая дешевая, наглая ложь. Ни один человек не теряет память так избирательно и так вовремя. Мои враги в столице явно решили, что разжалованный северный дракон потерял хватку, оброс мхом и поверит в любую сказ-

ку, если подсунуть ему неприметную женщину, которая на первый взгляд не вызовет подозрений.

— Какая удобная забывчивость, *леди*, — произнес я, снова вкладывая в это обращение всю свою неприязнь и недоверие. Голос звучал низко и жестко, отрезая любые пути к отступлению. — Останетесь в гостевом крыле, пока память не вернется. Выходить за пределы внутреннего двора строго запрещено.

Я развернулся и вышел из комнаты, резко прикрыв за собой дверь, и остановился в темном, пахнущем сыростью коридоре, прислушиваясь к интуиции, отточенной годами войны.

Она врала. В этом не было ни малейших сомнений. Но в ее взгляде не было ни капли трусости или фальшивой лести, свойственной шпионкам. Она смотрела на меня как равная — и это жгло изнутри сильнее любой раны.

— Что ж, *леди*Вероника, — тихо пробормотал я, направляясь обратно в кабинет, где в камине догорал последний уголь. — Посмотрим, надолго ли хватит вашей памяти, когда вы останетесь в Кальдгорне без своих покровителей.

Хотите, я напишу третью главу от лица Вероники, где она остается одна в гостевой комнате и начинает осматриваться в замке?

невиновности отца.

Но неделю назад пришло тревожное письмо от управля-

ющего, и мне пришлось взять отпуск и срочно вернуться в Кальдгорн. В округе начали происходить странные вещи: пропадали обозы, кто-то слишком настойчиво вынюхивал про старые архивы отца, а мои попытки добиться пересмотра дела в столице натыкались на глухую, невидимую стену.

На столе передо мной лежали развернутые свитки с именами придворных, которым была выгодна опала нашего рода.

— Кто же из вас так боится, что я докопаюсь до правды? — тихо произнес я в пустоту кабинета, сжимая пальцы на краю дубовой столешницы. — Кто дергает за ниточки даже здесь, на краю света?

Ответ не требовался. Враг был рядом, осторожный и умный. И меньше всего мне сейчас нужны были лишние проблемы.

Именно в эту секунду в тяжелую дубовую дверь кабинета требовательно постучали.

— Войдите, — бросил я, не оборачиваясь.

На пороге возник начальник замковой стражи, запыхавшийся, со снегом на плечах и совершенно ошалелым выражением лица.

— Ваша светлость, простите за беспокойство, но… у нас происшествие. Во внутреннем дворе.

Я медленно повернулся, чувствуя, как внутри привычно закипает раздражение. Только налета наемников мне сегодня не хватало.

— Нападение? Лазутчики?

— Никак нет, ваша светлость, — стражник замялся, явно не зная, как сформулировать доклад, чтобы не прослыть умалишенным. — Там… женщина. Она упала прямо с неба. В сугроб у западной стены.

Я замер. Посмотрел на него тяжелым, немигающим взглядом, от которого даже бывалые курсанты в академии обычно теряли дар речи.

— Повтори. И на этот раз — без трактирных баек.

— Клянусь честью, господин граф! — вытянулся стражник. — Над двором на миг вспыхнуло голубое марево, как при разрыве пространственного контура, и оттуда вывалилась какая-то леди. Без сознания. В странном, нездешнем платье. Магического фона от нее нет совсем, но…

Я не стал дослушивать. Быстрым шагом спустился во двор, на ходу застегивая камзол.

Она уже приходила в себя на руках у слуг. Невысокая, в нелепой вязаной одежде, с бледным, изможденным лицом и темными кругами под глазами. Ни породы, ни следа магической силы — обычная пустышка. Вот только случайностей на северной границе не бывает. Пространственный пробой прямо над моим двором, именно в ту неделю, когда я вернулся в Кальдгорн ворошить прошлое отца? В такие совпадения я перестал верить еще в первом боевом походе.

— В гостевое крыло ее, — приказал я, подавляя желание немедленно выставить незваную гостью за ворота. Вы-

бросить ее в буран — значит убить, а пачкать руки о безоружную женщину ниже моего достоинства. К тому же мертвая она ничего не расскажет. — Позовите лекаря. И пусть служанка не спускает с нее глаз. Как очнется — доложить мне лично.

Через час я уже стоял у двери гостевой комнаты. Раздражение никуда не делось — напротив, лишь усилилось. Я терпеть не мог незваных гостей и тем более — шпионок, которых подсылают под видом беспомощных жертв.

Я толкнул дверь без стука. Не видел смысла соблюдать светские церемонии перед той, кто незаконно проник на мою территорию.

Перепуганная горничная тут же выскользнула за порог, а я перевел взгляд на кровать — и на миг нахмурился.

Я ожидал увидеть слезы, истерику или заученную жалостливую сказку, с которой обычно приходят подосланные девицы. Но эта женщина смотрела на меня… странно. Ни страха, ни подобострастия. В ее усталых серых глазах мелькнул холодный, цепкий взгляд — так смотрят опытные дознаватели или старые вояки, оценивающие противника перед схваткой.

— Значит, жива, — бросил я сухо, намеренно глядя на нее сверху вниз. — И кто же вы такая, *леди*?

Я выплюнул это слово с откровенной, ядовитой издевкой. Пришлось приложить усилие, чтобы не скривиться еще

сильнее: какая из нее леди? Измотанная жизнью, простоволосая, в грубом свитере. Но если она чья-то марионетка, пусть с первой секунды знает свое место в моем доме.

И тут я заметил, как по ее лицу пробежала едва уловимая судорога, а пальцы под одеялом сжались в кулаки. Задело. Гордость у «пустышки» явно имелась, причем немалая.

Но вместо вспышки гнева она вдруг прикрыла глаза, провела ладонью по лбу и выдала классическую легенду об амнезии.

«Помню только холод. И имя — Вероника».

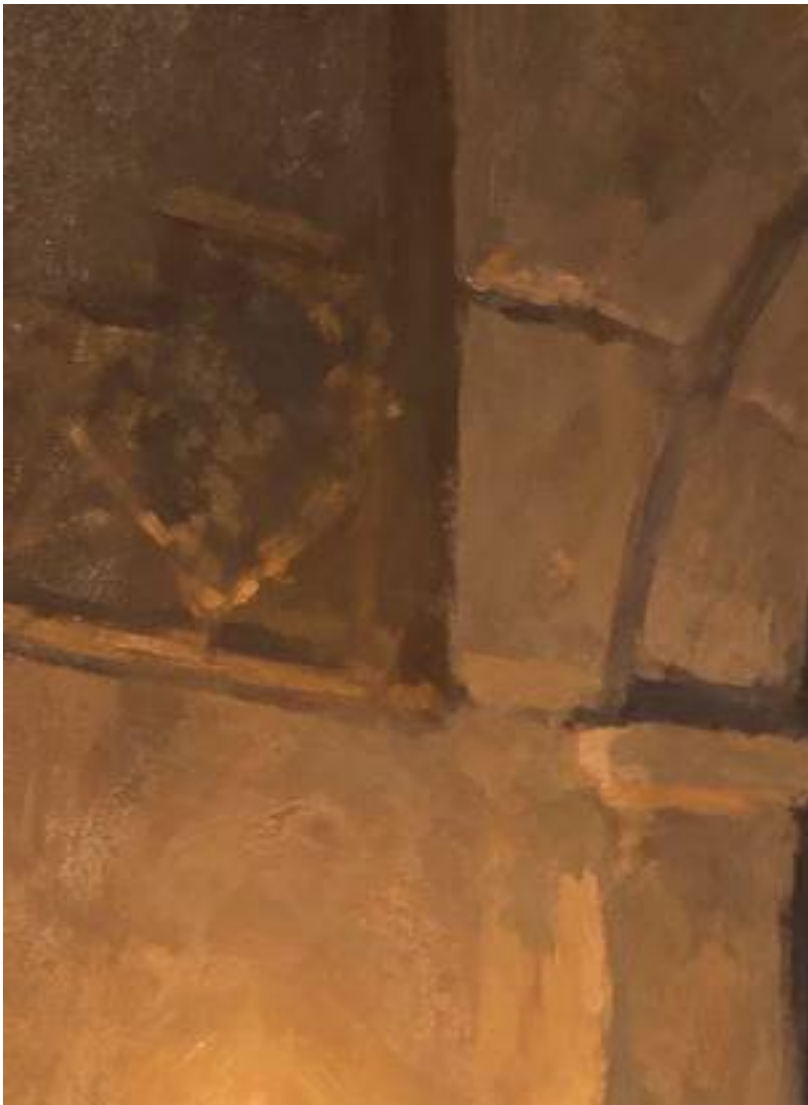
Я едва не усмехнулся. Какая дешевая, наглая ложь. Ни один человек не теряет память так избирательно и так вовремя. Мои враги в столице явно решили, что разжалованный северный дракон потерял хватку и поверит в любую сказку, если подсунуть ему неприметную женщину средних лет, которая не вызовет подозрений.

— Какая удобная забывчивость, *леди*, — произнес я, снова вкладывая в это обращение всю свою брезгливость и недоверие. — Останетесь в гостевом крыле, пока память не вернется. Выходить за пределы внутреннего двора запрещено.

Я вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, и остановился в коридоре, прислушиваясь к драконьему чутью.

Она врала. В этом не было ни малейших сомнений. Но в ее взгляде не было ни капли трусости или фальшивой лести, свойственной шпионкам. Она смотрела на меня как равная — и это злило больше всего.

— Что ж, *леди*Вероника, — тихо пробормотал я, направляясь обратно в кабинет. — Посмотрим, надолго ли хватит вашей памяти, когда вы останетесь в Кальдгорне без своих покровите-

Вероника Глазами Кайдена в первую встречу

Глава 3

Глава 3. Вероника. Сбор данных.

После ухода графа в комнате ещё долго висело неприятное, липкое послевкусие — словно после разговора с зажравшимся чиновником, который искренне считает, что закон писан исключительно для челяди. Воздух будто стал гуще, и каждый вдох отдавался горечью во рту.

Я посидела на кровати пару минут, глядя на закрытую дверь, будто она могла выдать хоть одну подсказку, если смотреть достаточно пристально. В висках глухо стучало, а в груди ворочалось раздражение, смешанное с усталостью — такой тяжёлый осадок оставляют люди, которые смотрят сквозь тебя. Медленно выдохнула и потерла виски, чувствуя, как под пальцами пульсирует тонкая кожа.

— Ну что, Вероника Сергеевна, — пробормотала я себе под нос, стараясь вернуть голосу привычную твёрдость. — Дело приняло неожиданный оборот. Вводные данные скудные, но работать можно.

В голове привычно заработала внутренняя «следственная доска». Я начала расставлять факты по полочкам, как раскладывают улики на столе: аккуратно, без спешки, чтобы не спутать важное с мелочью. Первое: я в другом мире, где существуют магия и драконы. Второе: мой «радушный» хозяин, граф Кайден Кард, — представитель древнего рода, по-

павшего в опалу три года назад. Он зол, подозрителен и держит меня здесь не из благородства, а потому что считает подсадной уткой. Третье: со мной он разговаривает так, будто я пустое место. Это «леди», выплюнутое с брезгливой ухмылкой, до сих пор стояло в ушах, царапая изнутри.

Вывод напрашивался сам собой: играть в амнезию дальше. Пока я «ничего не помню», с меня взятки гладки. Но сидеть сложа руки в четырёх стенах — верный способ оказаться в темнице. Мне нужна информация. Кто этот граф на самом деле? Чем живёт замок? И кто здесь дёргает за ниточки?

Мой единственный источник на данный момент — перепуганная горничная. Маловато для полноценной оперативной разработки. Нужно расширять круг знакомств и втираться в доверие к персоналу.

Не успела я додумать эту мысль, как дверь тихонько скрипнула, и в комнату бочком проскользнула та самая девчонка с подносом в руках. Её плечи были напряжены, как у зверька, готового сорваться в бег при первом резком звуке.

— Простите, госпожа, — пролепетала она, ставя на стол дымящуюся миску и кружку. От горячего пара в прохладном воздухе поплыли тонкие струйки тумана. — Я вам поесть принесла. И платье вот… старое, конечно, из запасов экономки, но чистое и тёплое.

— Спасибо, милая, — я постаралась улыбнуться максимально мягко и по-матерински. Следователь должен уметь расположить к себе свидетеля за три секунды, но сейчас я не

играла. Просто видела в этой девчонке себя много лет назад: ту самую растерянность, когда мир вдруг становится слишком большим и слишком строгим. — Как тебя зовут? А то я, видишь, совсем голову потеряла.

— Лиза я, госпожа, — девчонка немного оттаяла, но всё ещё поглядывала на дверь с опаской, будто оттуда вот-вот должен был появиться кто-то, кто накажет за лишнюю минуту в чужой комнате. — Вы кушайте, пока горячее. А я пойду, мне на кухню бежать надо, а то тётушка Марта заждалась.

— Погоди, Лиза, — я встала с кровати, накинула на плечи принесённую шерстяную шаль — она пахла сушёной лавандой и старым домом, и этот запах неожиданно согрел сильнее ткани. Подхватила пустой поднос. — Я, честно говоря, от лежания совсем расклеилась. Давай я тебе помогу отнести? Заодно поблагодарю вашу тётушку Марту за обед. Неудобно как-то сидеть барыней, когда я даже имени своего толком не помню.

Лиза округлила глаза, явно не привыкшая, что гостья из верхних покоев сама предлагает понести посуду, но спорить не решилась. В её взгляде мелькнуло что-то вроде благодарности, смешанной с недоверием — будто она боялась, что это шутка, которая закончится для неё неприятностями.

Замковая кухня встретила нас жаром огромной печи, густым запахом тушёного мяса, специй и свежего хлеба. Пламя в топке вздрагивало, отбрасывая неровные тени на стены, и казалось, что в этих тенях прячется сам дух старого дома —

ворчливый, но заботливый. У разделочного стола орудовала ножом дородная женщина лет пятидесяти с тугим пучком седеющих волос и таким выражением лица, с каким обычно встречают налоговую инспекцию.

— Лиза, где тебя черти носят?! — рявкнула она, но осеклась, увидев меня. Вытерла руки о передник и настороженно прищурилась, будто пыталась разглядеть сквозь меня что-то скрытое. — А вы, госпожа, чего сюда пожаловали? Его светлость не велел вам по замку шастать.

— Да он велел за пределы двора не выходить, а про кухню ничего не говорил, — спокойно ответила я, ставя поднос на край стола. Металл тихо звякнул о дерево, и этот простой, домашний звук неожиданно успокоил. — Меня Вероника зовут. Вот, пришла спасибо сказать. Бульон у вас такой, что на ноги ставит лучше любого врача.

Тетушка Марта хмыкнула, но взгляд её заметно потеплел. Женщины одного возраста, всю жизнь тянущие на себе работу, всегда чувствуют друг друга без лишних слов.

— Лекаря, а не врача, — поправила она, снова принимаясь за нарезку овощей, но уже без прежней угрюмости. Лезвие ножа ритмично стучало по доске, как метроном, отсчитывающий время, в котором живут такие, как мы. — И то верно: тощий ты больно, госпожа. Будто три года на одних сухарях сидела. У нас на севере без горячего навара не выживешь.

— Это точно, — поддержала я разговор, присаживаясь на

край деревянной лавки. Дерево было тёплым от близости печи и шероховатым, будто помнило сотни рук, что касались его за долгие годы. — А вы давно в Кальдгорне служите? Замок большой, а народу, смотрю, немного.

Марта тяжело вздохнула и отложила нож. В этом вздохе слышалась целая история: усталость, привязанность и тихая гордость за место, которое она оберегала столько лет.

— Всю жизнь здесь, Вероника. Ещё покойного графа, отца его светлости, застала. Золотой был человек, весь север на нём держался… Пока столичные гады его в измене не обвинили. Три года назад всё прахом пошло. Старый граф от позора слёг и помер, земли отняли, половина слуг разбежалась. А молодой хозяин, Кайден, тогда на границе воевал — его там так зацепило, что еле выходили. Пришлось ему службу бросить, в столице в академии курсантов учить, а сюда только наездами бывать.

Я внимательно слушала, фиксируя каждую деталь, но не только как следователь. В её словах звучала настоящая боль — не показная, а та, что въедается в голос и делает его глубже. Значит, граф — боевой офицер в отставке по ранению. И в замок он приехал не просто так.

— Тяжело ему, наверное, одному такую махину тянуть, — осторожно заметила я.

— Не то слово, — понизила голос кухарка, покосившись на дверь. В этот момент она стала не грозной хозяйкой кухни, а просто женщиной, которая переживает за свой дом. —

Он человек суровый, гордый, но справедливый. Только вот в последнее время совсем покоя не знает. Неделю назад примчался среди ночи, в архивах отца роется, всё правду ищет. А вокруг замка будто вороньё закружило — то обоз с припасами в ущелье сгинет, то чужие в деревне ошиваются. Вот он и злой как чёрт. Ты уж на него не обижайся, если рявкнул.

— Да я и не обижаюсь, — усмехнулась я про себя. На хамов обижаться — здоровья не хватит. Но в этот раз в усмешке было не столько раздражение, сколько понимание: злость — это тоже форма защиты, когда мир рушится вокруг. — Спасибо за чай, Марта. Пойду я, а то и правда графу на глаза лишний раз попадаться не хочется.

Обратно в гостевое крыло я возвращалась уже с куда более ясной картиной происходящего. Холодный камень пола под ногами напоминал, что я здесь пока чужая, но теперь в этом ощущении было меньше страха и больше азарта. Вот только на лестнице меня ждала ещё одна встреча.

Навстречу поднимался сухонький старичок в длинном сером балахоне, от которого за версту несло сушёной ромашкой, камфорой и чем-то терпким — будто он сам был частью аптекарской полки, ожившей и отправившейся по делам. В руках он держал деревянный лоток с баночками и склянками, которые тихо позвякивали при каждом шаге.

— А, вот вы где, госпожа! — обрадовался он, щуря подслеповатые глаза. — А я как раз к вам. Мейстер Вальтер, здешний лекарь. Его светлость велел осмотреть вас после

вчерашнего падения. Пройдёмте в покои.

В комнате мейстер быстро и профессионально проверил мой пульс, заглянул в глаза и покачал головой:

— Магического истощения нет, кости целы. Но организм у вас, милая леди, изношен так, будто вы десять лет без сна и отдыха в шахте работали. Нервы ни к чёрту, кожа сухая, под глазами тени… Ну ничего, на севере травы сильные, быстро в порядок приведём.

Он выставил на туалетный столик две глиняные баночки и небольшой флакон из тёмного стекла.

— Вот эта мазь — на основе ледяного мха и живицы. Наносите на лицо и руки перед сном: снимет усталость, разгладит кожу и уберёт следы мороза. А это — настойка северного зверобоя, по десять капель в чай. Сон вернёт и силы восстановит. Только не переборщите, травы здесь мощные, не чета столичным.

Когда лекарь ушёл, я подошла к мутноватому зеркалу в резной раме. На меня смотрела уставшая сорокашестилетняя женщина с потухшим взглядом и глубокими морщинками у глаз. Но теперь в этом отражении я видела не только усталость — я видела опыт, который не спрятать ни под какой пудрой.

Я открыла баночку с мазью. Пахло удивительно приятно — хвоей, мёдом и морозной свежестью, будто кто-то собрал в одном запахе весь северный лес. Я нанесла немного на тыльную сторону ладони и с удивлением замерла: кожа бук-

вально за секунду впитала состав, лёгкое покалывание сменилось приятным теплом, а мелкие трещинки от сухости исчезли прямо на глазах.

— Интересная химия, — пробормотала я, аккуратно распределяя мазь по лицу. — Пожалуй, в этом замке есть свои плюсы.

Я потушила свечу и легла в кровать. Сквозь узкие окна тянуло холодом, но он уже не казался враждебным — скорее, он был частью этого места, его дыханием. Страх окончательно отступил, уступив место привычному, знакомому азарту. Граф Кайден Кард ищет тех, кто подставил его отца и теперь мешает ему в родном замке. Что ж, в расследовании должностных преступлений и заговоров у меня пятнадцать лет стажа. Осталось только дождаться подходящего момента — и гражданин дракон ещё сам попросит у «леди» помощи.

Тетушка Марта

Глава

Лиза

Глава 4

Глава 4. Вероника. Первые улики и отражение в зеркале

Утро в Кальдгорне начиналось не с будильника и звонков дежурной части, а с непривычной, звенящей тишины. *Тишины, которая в столице всегда казалась прелюдией к беде, а здесь, в промерзших горах, ощущалась как тяжелая, густая вода, заполнившая легкие.* Только за узким стрельчатым окном тихо, но с какой-то злой, голодной настойчивостью поскрипывал морозный ветер, вгрызаясь в каменную кладку, да в камине с сухим, надтреснутым треском оседали, рассыпаясь в пепел, догорающие угли. *Пахло остывающей золой и озоном.*

Я открыла глаза и с удивлением прислушалась к собственным ощущениям. Впервые за последние пять лет я проснулась без свинцовой тяжести в затылке и фантомного звона в ушах, а главное — без привычного, почти животного желания немедленно выпить двойной эспрессо, чтобы просто дойти до ванной. Настойка северного зверобоя, оставленная мейстером Вальтером, сработала на совесть: спала я как убитая, без сновидений и тревожных просыпаний, *когда тело дергается за секунду до падения в пропасть, а сердце колотится где-то в горле*. Сейчас же внутри было пугающе, непривычно пусто. Словно кто-то вычерпал из меня всю старую, отравленную усталость и залил вместо нее прозрачный,

холодный лед.

Я встала, накинула поверх ночной сорочки принесенное вчера Лизет шерстяное платье — простое, темно-синее, но на удивление хорошо скроенное — и подошла к мутноватому зеркалу в тяжелой дубовой раме. *Стекло здесь было старым, с легкой рябью, оно вытягивало пропорции, делая фигуру тоньше, а лицо — мертвенно-бледным, почти призрачным. Я посмотрела на свое отражение и впервые за долгое время не испытала привычного отвращения.*

Присмотрелась. Конечно, в восемнадцать лет я за ночь не превратилась, но изменения уже бросались в глаза. Исчезла серая, землистая бледность, которая преследовала меня последние годы службы, въевшись под кожу, как угольная пыль. Мелкая сетка морщинок у глаз — "воронки усталости", как шутили в отделе — заметно разгладилась. Кожа на щеках стала ровнее, а в глазах появился живой, ясный блеск. *Тот самый блеск, который гаснет первым, когда ты слишком долго смотришь в протоколы вскрытия и видишь, во что превращается человек под колесами поезда.* Мазь на основе ледяного мха и живицы оказалась вещью посильнее любых дорогих салонных сывороток с экстрактом черной икры. Она пахла хвоей, снегом и чем-то диким, звериным.

— А северный климат, оказывается, идет на пользу, — пробормотала я, собирая волосы в аккуратный, строгий узел на затылке. Привычка. С распущенными волосами работать неудобно, даже если твоя единственная работа сейчас —

изображать потерю памяти. *И ждать, пока убийца совершит ошибку. Пальцы, закаленные годами писанины, сами собой проверили шпильку — держится ли.*

В дверь тихонько постучали, и в комнату заглянула Лизет с кувшином горячей воды и свертком. От нее пахло свежим хлебом, дрожжами и топленым маслом. — Доброе утро, госпожа Вероника! Тетушка Марта велела передать вам теплую шаль и пирожки с мясом, пока не остыли. А еще… — горничная понизила голос и испуганно оглянулась в темный коридор, словно стены имели уши, а сквозняки разносили сплетни, — управляющий, господин Рендалл, велел вам после завтрака спуститься в малый зал при библиотеке. Его светлость приказал занять вас делом, чтобы вы по двору без толку не слонялись и не смущали прислугу своим видом.

Я внутренне усмехнулась. "Отлично, гражданин граф. Вы сами запускаете меня в архивы. Спасибо за ключ от склепа". — Конечно, Лизет, — кивнула я с самым кротким видом, на который только была способна, чувствуя, как поджимаются губы от фальшивой покорности. — Передай тетушке Марте огромное спасибо. А что это за управляющий, господин Рендалл? Давно он у графа служит? — Ой, давно, госпожа! Еще при старом графе счетоводом был, а после той беды три года назад все хозяйство на себя взял. Тихий такой, вежливый, все в бумагах да в расчетах. Его светлость ему доверяет, как себе. Говорят, он единственный, кто не боится заходить в западное крыло. *Лизет перекрестилась, хотя упоминала*

всего лишь закрытую часть замка.

"Тихий, вежливый, все в бумагах…" — автоматически сделала я пометку в голове. За пятнадцать лет в Следственном комитете я усвоила одно железное правило: первыми в разработку всегда идут именно такие "тихие и незаменимые" счетоводы, через руки которых проходят все деньги и документы. *Они знают, где зарыты все трупы, причем в самом буквальном смысле. И обычно именно они подтирают кровь с паркета.*

Через час я уже сидела в малом зале при библиотеке. Комната оказалась холодной, пахнущей старой бумагой, вековой пылью, мышами и кислым духом сургуча. *Холод здесь был не просто погодным, он был могильным — тянуло от каменного пола, от сырых стен, от самих переплетов, которые, казалось, высасывали тепло из кончиков пальцев.* Вдоль стен тянулись дубовые стеллажи, а на длинном столе передо мной возвышались три внушительные стопки перевязанных выцветшей бечевкой гроссбухов и приходных книг. Пальцы сразу начало покалывать от холода камня, словно я схватилась за кусок льда.

Управляющий Рендалл — сухопарый мужчина лет пятидесяти с бегающими водянистыми глазками, похожими на снулую рыбу, и вежливой, но заученной до автоматизма улыбкой, от которой сводило скулы — пояснил задачу: — Его светлость распорядился разобрать хозяйственные отче-

ты за последние четыре года и переписать поврежденные сыростью листы. Раз уж вы, леди, утверждаете, что не помните своего прошлого, посмотрим, знакома ли вам грамота и счет. Он ушел, бесшумно прикрыв тяжелую дверь. *Звук замка, вставшего в паз, прозвучал в тишине как щелчок взводимого курка. Я осталась одна. Наконец-то.*

Я раскрыла первую, самую старую книгу. Кожа обложки была ледяной, влажной, скользкой. Изначально я собиралась просто отбывать номер, медленно водя пером по бумаге, считая ворон за окном, но уже через полчаса во мне проснулся старый, въевшийся в кровь азарт следователя по экономическим и должностным преступлениям. *Адреналин, чистый и едкий, ударил в голову. Плечи сами собой расправились, спина выпрямилась. Я снова была на охоте. И добыча была где-то здесь, между пожелтевших страниц.*

Бухгалтерия — штука упрямая. В каком бы мире ты ни жил, цифры врать не умеют. Врут только люди, которые их записывают, надеясь, что усталость проверяющего или его презрение к "женским делам" сделают за них половину работы.

Я листала страницы за тот самый год, когда отца Кайдена обвинили в государственной измене. По официальной версии, которую мне вчера за ужином с плохо скрываемым злорадством пересказала кухарка Марта, старый граф якобы тайно продавал северную руду и оружие врагам империи, набивая карманы.

Но в приходных книгах не сходились объемы. Совсем. *Это была не просто ошибка, это была наглая, топорная работа, сделанная впопыхах.* Согласно отчетам, рудники Кальдгорна в тот год выдали на треть больше металла, чем было оплачено казной, а вот закупки продовольствия и фуража для охраны обозов, наоборот, резко сократились. *Граф вывозил руду, но его обозы ехали на голодных, истощенных лошадях, которых не кормили неделями. Математика сходилась только для покойников.* Более того: почерк на нескольких итоговых страницах отчетливо отличался от размашистого, летящего почерка покойного графа — подписи были выведены старательно, но с характерным мелким дрожанием руки, словно кто-то срисовывал чужой росчерк левой рукой или через стекло. *Чернила в этих местах были чуть свежее, не успели так выцвести.*

— Подлог, — тихо прошептала я, водя пальцем по строчке. Ноготь задел заусеницу на бумаге, выступила капелька крови. — Чистейшая фальсификация отчетности. Кто-то прямо здесь, в замке, подделал документы и подставил старого графа. *И этот кто-то до сих пор здесь. Рендалл? Слишком очевидно. Сам Кайден? Слишком театрально. Но кто-то же нажился на этом падении.*

В этот момент тяжелая дверь библиотеки распахнулась. Без стука. *Ворвался сквозняк, принеся с собой запах озона, мокрой шерсти и конского пота.*

На пороге стоял Кайден Кард. В темном дорожном плаще,

с которого на натертый паркет еще не успел стаять снег, с жесткими складками у рта и ледяным, уставшим взглядом янтарных глаз. *От него пахло морозом, гарью и железом — запах мужчины, который только что проехал двадцать верст верхом в метель.* Видимо, только что вернулся с объезда дальних территорий.

Он остановился у стола, окинул взглядом разложенные передо мной гроссбухи, затем перевел взгляд на меня — и его брови слегка приподнялись. Он явно ожидал увидеть растерянную женщину, которая путается в собственных юбках и не понимает ни слова в местных письменах, а застал человека, который с видом хладнокровного ревизора сверяет две бухгалтерские книги. *Его взгляд на долю секунды стал растерянным, почти уязвленным, но он тут же спрятал это за привычной броней.*

— Надо же, — протянул граф, снова скривив губы в той самой ядовитой усмешке, от которой у меня внутри все привычно закипело, а в солнечном сплетении сжался тугой, горячий узел. — Вы умеете читать наши цифры, леди? Какое чудесное, удобное избирательное беспамятство. Имя свое забыли, а вот считать чужие монеты не разучились.

Это его гнусное, выплюнутое свысока "леди" снова резануло по нервам. Я медленно подняла на него глаза, сдерживая почти физическое, острое желание швырнуть в его аристократическую физиономию тяжелый, в свинцовом переплете гроссбух. *Я видела, как дернулся кадык на его шее, ко-*

гда он понял, что я не просто сижу над книгами, а что-то в них нашла.

— Навыки письма и счета, ваша светлость, относятся к моторной и базовой памяти, — ответила я ровно, глядя ему прямо в глаза, не моргая, выдерживая этот тяжелый, давящий взгляд. — Они сохраняются даже при сильной контузии и ретроградной амнезии. Если бы вы меньше смотрели на меня как на воровку, забравшуюся в ваш карман, а больше интересовались собственной бухгалтерией, то заметили бы кое-что интересное.

Кайден замер. Янтарные зрачки хищно сузились, превратившись в вертикальные щели, а в голосе, до этого ленивом и бархатном, зазвенела сталь: — Следите за языком, леди. Вы в моем доме на птичьих правах. И о чем же вы там осмелились рассуждать?

Я не стала показывать пальцем на поддельную подпись — рано. Пусть сначала убедится, что я не пустое место и не сумасшедшая. Я просто закрыла книгу, положила сверху ладонь, ощущая под кожей холодный пульс чужого преступления, и спокойно сказала: — О том, что три года назад ваши рудники, судя по этим бумагам, добывали руду из воздуха, а обозы с ней возили лошади, которые ничего не ели. И о том, что подпись вашего отца на итоговых ведомостях подделана. Хорошего дня, ваше сиятельство.

Граф не сдвинулся с места, буравя меня тяжелым, потрясенным взглядом. Впервые за время нашего знакомства на

его надменном лице не осталось и следа привычного высокомерия — только холодное, острое напряжение хищника, который наконец-то почуял на своей территории чужой, враждебный след. *Его ноздри затрепетали, словно он принюхивался к запаху крови.* И, кажется, впервые за три года понял, что дело об измене пахнет совсем не так, как ему рассказывали. *А пахло оно предательством изнутри.*

Вероника

Управляющий г-н Рендалл

Глава 5

Глава 5. Вероника. Кровь на снегу и право на приказ

После стычки в библиотеке граф не показывался мне на глаза. Я не навязывалась. Продолжала исправно ходить в архив, переписывать сырые листы, вечерами пила настойку мейстера Вальтера и втирала в кожу ту самую хвойно-медовую мазь. Эффект накапливался медленно, но верно: ушла постоянная отечность, лицо подтянулось, даже седая прядь у виска словно потемнела. И главное — вернулась та самая ясная, звериная работоспособность, которой я славилась в лучшие годы службы. Я чувствовала, как под кожей снова натягиваются стальные струны, а мир вокруг обретает пугающую, хищную резкость. Каждое утро, глядя в мутное зеркало, я видела, как смерть отступает на шаг. Она дала мне фору. И я собиралась ее использовать.

А на третий день, ближе к полуночи, замок взорвался тревогой. Ночная тишина не рухнула — ее вырвали с мясом. Удары тяжелого, гулкого набата на главной башне вбивались в череп, как гвозди в крышку гроба. Во дворе заскрипели подмерзшие петли ворот, застучали копыта, а морозный воздух мгновенно пропитался запахом конского пота, тревожного страха и резкой сырости норгардской зимы. Этот запах всегда означал одно: привезли мертвых. Или умирающих.

Я вскочила с кровати за секунду. Сработала не просто па-

мять — сработал древний, звериный инстинкт выживания. Накинула платье, сунула ноги в ледяные сапоги, набросила шаль. Пуговицы не слушались пальцев, и я рванула ворот так, что посыпались костяные бляшки. Выскочила в ледяной коридор, глотая колючий воздух.

Внизу, в главном холле, залитом дрожащим, больным светом факелов, творился не хаос. Хаос — это когда кричат. Здесь царила страшная, звенящая тишина паники. На дубовом столе, прямо поверх разостланных дорожных плащей, лежал Кайден Кард. Без сознания. Его черный плащ насквозь пропитался темной, почти черной кровью, лицо стало белее мела, а потрескавшиеся губы приобрели пугающий синеватый оттенок. Он выглядел как восковая кукла, которую забыли у огня, и воск начал плавиться.

Вокруг суетились стражники, бестолково сталкиваясь локтями. Управляющий Рендалл стоял у края стола, сцепив руки в замок; его лицо казалось малеванно-серым, а напускное спокойствие выдавалось лишь едва заметным подергиванием уголков рта, словно он отчаянно пытался рассчитать последствия ночного происшествия. Старый мейстер Вальтер дрожащими, старческими пальцами пытался разрезать пропитанную кровью шерсть рубахи на груди и плече хозяина. Лезвие соскальзывало, и каждый этот скрежет по окровавленной ткани отзывался у меня в зубах.

— Засада в ущелье у старых рудников! — хрипло, срывая голос, докладывал управляющему окровавленный на-

чальник стражи, оттирая со лба смесь снега и сажи. — Поехали проверять приходные книги, а нас там ждали! Стрелы с черным оперением… Его светлость принял удар на себя, прикрывая отход! Он… он сам выдергивал их, чтобы мальчишки успели уйти!

Я протиснулась ближе, бесцеремонно, плечом отстранив растерявшуюся Лизет. Воздух вокруг стола сгустился, стал тяжелым и сладковатым. Я вцепилась взглядом в рану.

Цепким профессиональным взглядом я мгновенно оценила картину. Два глубоких проникающих ранения — в левое плечо (как раз рядом со старым, почерневшим шрамом) и под ребра. Кровь шла толчками, темная, густая, а края раны покрывались странной сероватой коркой, от которой тянуло сладковатым запахом гнили, жженого миндаля и чего-то третьего, химического, от чего свело скулы. Это был запах морга.

— Это не просто железо, — тихо пробормотала я, и собственный голос показался чужим. — Яд. Причем замедленного действия, с паралитическим эффектом. Он блокирует дыхание, Вальтер. Он не дает легким раскрыться.

Мейстер Вальтер обернулся ко мне, и в его слезящихся, мутных глазах я увидела откровенное, животное отчаяние. Старик вытер пот со лба тыльной стороной ладони, размазав по коже сажу, и безнадежно покачал головой: — Болотный дурман в смеси с темной солью… Мои отвары здесь бессильны, госпожа. У меня руки дрожат от старости, а если не вы-

чистить рану и не вытянуть отраву в ближайший час, даже драконья кровь не справится. К утру его светлость остынет. Мы просто будем смотреть, как он синеет.

В зале повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, клокочущим хрипом в груди раненого. Стражники понурили головы, запах их страха стал невыносимым, а у управляющего Рендалла в водянистых глазах на долю секунды мелькнуло… облегчение. Оно скользнуло по его лицу, как ящерица по камню. "А вот и наш заказчик, — пронеслось в голове. — Слишком гладко всё сошлось. Слишком вовремя".

Но разбираться с этой крысой придется позже. Сейчас счет шел не на минуты. На удары сердца.

— Все вон из зала! — мой голос прозвучал так жестко, властно и чеканно, что звук отразился от каменных сводов. Даже закаленные в боях стражники инстинктивно вздрогнули, втянули головы в плечи и вытянулись по струнке. — Быстро! Оставьте только мейстера Вальтера и Лизет! Живо, если хотите жить!

Рендалл тут же напустил на себя маску оскорбленного достоинства, хотя в глубине его глаз мелькнула холодная искра раздражения: — Да кто вы такая, чтобы приказывать в доме графа? Вы всего лишь гостья с сомнительным прошлым… Вы не имеете права…

Я повернулась к нему. Сделала шаг, сокращая дистанцию, и посмотрела тем самым тяжелым, ледяным взглядом

старшего следователя, от которого в допросных начинали колоться даже рецидивисты. Взглядом человека, которому нечего терять. — Если его светлость умрет до рассвета, господин управляющий, — отчеканила я леденящим тоном, — первым делом я задам страже вопрос, откуда в ущелье узнали о закрытом маршруте графа, о котором были осведомлены лишь единицы. Включая вас. А следом я лично проверю, сколько стоит в этом городе наемник с черными стрелами. А теперь — вон. Все. До трех. Раз…

Рендалл побледнел так, что на лице проступила сетка сосудов, на мгновение зажав челюсти так, что побелели скулы. Он открыл рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Под тяжелыми, немигающими взглядами обернувшихся к нему стражников он молча опустил глаза, сгорбился и попятился к выходу, шаркая подошвами по камню. Через десять секунд в гулком холле остались только я, старый лекарь и дрожащая горничная.

Я закатала рукава платья до локтей, чувствуя, как по спине ползет не просто холодный пот — ледяная лавина. Руки мелко подрагивали — не от страха, нет. От адреналинового всплеска, от звенящего напряжения в мышцах и осознания того, что права на ошибку у меня нет. Если он умрет — я останусь одна в этом каменном мешке, и следующая стрела с черным оперением прилетит в мою спину.

— Слушайте меня внимательно, Вальтер. — Я сорвала с ближайшего окна тяжелую бархатную штору, разрывая ее

на полосы. — Кипяток. Чистые льняные полотна. Крепкий спирт для обработки. Самый сильный местный антисептик. Острый ланцет и все ваши вытягивающие травы. Я буду резать глубоко, вы — следить за пульсом и подсказывать, если начнется отторжение. Лизет — держать зажимы и подавать воду. И не смейте падать в обморок, старая вы перечница, он на вас смотрит! Выполнять!

Пока горничная испуганно металась за кипятком, ее шаги гулко отдавались в висках, я склонилась над Кайденом. Впервые за все время этот надменный, холодный аристократ лежал передо мной совершенно беспомощный. Жизнь вытекала из него вместе с кровью, впитываясь в дубовые доски стола. Ресницы отбрасывали глубокие тени на заострившиеся скулы, дыхание было поверхностным, прерывистым — коротким, собачьим, — а кожа горела в лихорадке так, что от него шел пар. Но даже в бессознательном состоянии он упрямо сжимал зубы, словно борясь с невидимым врагом, и костяшки пальцев, вцепившихся в край плаща, побелели до синевы.

Я прижала пальцы к его запястью, чувствуя, как отсчитывает удары слабеющее, нитевидное сердце. Сорок. Тридцать. Двадцать. — Только попробуй помереть, гражданин граф, — прошептала я, беря в руки ланцет и протирая лезвие спиртом. Пламя факела отразилось в стали, и на секунду мне показалось, что я держу окровавленный кинжал. — Ты мне еще за "леди" не ответил, и дело по твоим рудникам не закрыто.

Так что держись, дракон. Умереть я тебе не позволю. Не сегодня. Я слишком долго тебя ненавидела, чтобы отдать тебя какой-то болотной дряни. Открывай глаза, Кайден. Смотри на меня.

Глава 6

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.